

2640 КИЛОМЕТРОВ на веслах и под парусом по Севморпути

Георгий Карпенко.
Фото Дмитрия Лукьянова
и автора

В последние годы неизмеримо вырос всеобщий интерес к Арктической зоне, продиктованный стремлением освоить немислимые запасы нефти, газа и ископаемых на берегах и на шельфе. Арктика пробуждается. И теперь решающим становится человеческий фактор, когда для работающих в самых суровых условиях людей одинаково важны и быт, и возможности нормальной духовной жизни. В этой связи нельзя переоценить значение инициативы, проявленной основателями Крестного хода и всячески поддерживаемой Церковью и правительством.

Для смельчаков, на хрупкой лодке преодолевших 2640 км по трем морям Ледовитого океана и ныне еще продолжающих свой путь, главное – это не спорт и не преодоление сложностей. Важнее – возможность посещения некогда гиблых необитаемых мест, поддержка божьим словом тех, кто сегодня еще практически лишен постоянной живой связи с обществом и Церковью.

Короткие сообщения в «КиЯ» № 211 и 215 уже познакомили чита-

теля с гребно-парусной лодкой «Русь Святая» и идеей Крестного хода вокруг России. Поход по Севморпути составил его первый и самый сложный этап.

Организаторы акции с самого начала подчеркивали, что не преследуют цели установления рекордов плавания по Северному морскому пути без мотора. Планировалось, что в случае задержек из-за ледовой обстановки плавание на лодке «Русь Святая» будет прервано с тем, чтобы непременно к октябрю, используя для этого попутные суда, участники похода оказались в порту Провидения. Оттуда начнется второй этап, опять-таки на попутных судах, до Владивостока, а в ноябре – третий, уже сухопутный, этап вдоль южных и западных границ России с финишем в январе 2009 г. в том же Архангельске.

Рассказывает Василий Галенко:

Провожать ребят я посчитал своим долгом. Хотя бы потому, что был советчиком Георгия Карпенко еще на стадии проектирования лодки.

И вот – я в Архангельске. Пурга, бушевавшая накануне, давала о себе знать. Пришлось натянуть на уши единственный теплый предмет из экипировки – шерстяной берет. Пробираясь в кроссовках по снегу, я отыскал парусный центр «Норд» в Соломбале. Пейзаж

Лодка «Русь Святая»: Крестным ходом от Архангельска до Диксона

был совсем не майский. У причала, засыпанная снегом, покачивалась лодка, а ее команда молча отряхивала от снега каждую вещь из невообразимой груды приготовленного для погрузки снаряжения. Самым привлекательным из всего их добра мне показалась кучка дров для печки-экономки.

Ближе к вечеру, когда неяркое солнце немного растопило снег, мы отправились вверх по Северной Двине к месту старта. На веслах, помимо Георгия и Андрея, согревались некоторое время я и еще один гость – священник из Костромской глубинки Владимир Киприянов; греб он, кажется, дольше всех. За два часа против сильного течения мы одолели 4 км. Поставили лодку у причала Красной пристани, рядом с теплоходом-водолаем, прикрывавшим нас от волн и ветра. Поздно вечером участники похода и их друзья, напарившись в домашней баньке, расходились-разъезжались по слякотным колдобинам.

Утром 19 мая состоялась литургия в Свято-Никольском храме, основанном в честь Святителя Николая, который во все времена весьма почитался на Руси, особенно среди мореходов. Ни одно поморское судно не уходило в море без иконы Святителя Николая на

борту. Множество Никольских храмов стояло некогда на Севере. «т Холмогор до Колы – тридцать три Николы», – такая бытовала поговорка у наших предков.

В бытность на Белом море мне довелось найти в рукописной лоции поморов текст давней молитвы. Она заменяла древним мореходам то, что теперь называется спасжилетом или, в широком смысле, «мерами безопасности». Поморы частенько плавать не умели, да и особого смысла в этом не было, поскольку из-за холодной воды даже самому умелому пловцу, облаченному в спасательный жилет, более получаса не выжить. А спасительная молитва убережет. Вот отрывок из ее текста: «В случае наших, от морских бурь или злых людей происходимых бедствий и несчастий, пошли, Господи, своего Святителя и скорого помощника Николая Чудотворца на избавление всех грешных».

После литургии Крестный ход от храма проследовал к Красной пристани, и началась заключительная церемония с молитвами и песнопениями. А затем Георгий Карпенко, Андрей Деев и священник Дмитрий Лукьянов заняли свои места и тут же с берега и с водолея отдали концы. Андрей делает

первые гребки, и течение сразу подхватывает лодку, «Русь Святая» стремительно удаляется под начавшимся дождем. Все говорят, что это хороший знак.

Информация о ходе экспедиции поступает от Георгия по спутниковому телефону два раза в неделю. Принимает ее Георгий Анатольевич Винников – руководитель Православного общинного центра «Регион», при котором создан штаб Крестного хода. В дальнейшем фото- и видеоматериалы вместе с дневником похода передавались электронной почтой из пунктов захода. Изредка Георгий звонил мне домой. Поэтому есть возможность составить летопись похода.

Вот ее несколько сокращенный вариант. *Сообщает Георгий Карпенко.*

В Белом море с противными ветрами

20 мая. Господи, помилуй! – два слова, как раз в такт двум гребкам. Теперь мы уже в Белом море на нашем не ахти каком кораблике. Справа – заснеженный берег, леса постепенно сменяются тундрой. Стаи гусей уже с нетерпением нарушают свой линейный строй, тянут над водой тем же курсом, что и мы. Весна запаздывает на две недели, и это

чувствуется сразу: ночью температура около нуля, днем плюс 3–5. Но главное, что здесь льда уже нет.

21 мая. Идем под парусами и веслами одновременно. Ветер и волна жесткие, но 180 кг свинцового балласта делают свое дело – нас потряхивает, но крен небольшой. Идем непрерывно круглые сутки.

25 мая. Задолго до подхода к устью Шойны пришлось продолжать движение только на веслах. Ледовая обстановка то и дело вынуждала лавировать между льдинами. Несколько раз приставали к берегу, опасаясь ударов льдин в борта лодки.

Изнурительную качку хуже всех переносит Дмитрий. Тяжкие походы на суше в прошлом давались ему намного легче. В прилив идем к самой кромке берега и выбрасываем за борт якорь-кошку, благодаря этому при отливе оказываемся на песчаной отмели среди льдин. Получается передышка на шесть часов. Дмитрий заметно оживляется, увлеченно фотографирует неведомые ему доселе пейзажи ледовитого моря.

26 мая. На седьмые сутки пути зашли в поселок Шойна. На высоком берегу – барак и огромная надпись: «Попали Вы!», а чуть ниже и помельче:

«Welcom». Шутники и здесь водятся. Позади – первые 480 км. Суточные пробеги не утешают. Не хочется говорить о привычных милях – их получится еще меньше! Ледовый прогноз в Баренцевом море неутешителен. Сообщают, что бухта поселка Варандей, куда мы должны далее следовать – еще под льдом, а с севера надвигается шторм, так что мы со спокойной совестью занялись миссионерской деятельностью и попутно – мелким ремонтом.

Силами отца Дмитрия дважды совершались Божественные литургии. Было видно, что люди тянутся к Вере. Священников в этом поселке никогда не было. Зимой нагрянул сюда десант сектантов, но местный народ по мудрости своей душевной их не принял. Зато сейчас к отцу Дмитрию постоянно обращались с просьбой окрестить. Всего получили крещение 28 человек.

2 июня. Телеграмма от Ирины Думанской, нашей опекуни из Гидрометцентра, мягко говоря, огорчила: «К Варандею из-за льдов пробьетесь не раньше 12 июня и торчать вам там до 15 июля – это по сценарию прошлого года. Крепитесь. Днем плюс 1–3, а ночью до минус 3». Но есть и приятные новости: пришла телеграмма – напутствие от Совета Федерации РФ.

По морю Баренца

3 июня в 15–35 мы пересекли линию мысов Святой Нос – Канин Нос и вошли таким образом в Баренцево море. Ура! Идем под парусом, но довольно тяжело: ветер практически встречный, волнение до 3 баллов. Настроение хорошее, состояние духа бодрое, вспоминаем теплый прием в Шойне. В связи с постоянными северными ветрами ухудшается ледовая обстановка. Температура воздуха минусовая. Впечатление такое, что вре-

менами лед нисколько не тает, а, наоборот, происходит его образование, хотя теоретически в этом углу моря сплошной ледовый покров не образуется даже зимой. Но лавировать среди плавучих льдин для нашей хрупкой лодки опасно.

5 июня. В 10 утра вошли в устье Индиги. Слева высится очередной Святой Нос. К востоку простирается Печорское море – так называется эта часть моря Баренца. По берегам и мелководьям простирается знаменитая нефтеносная Тимано-Печорская провинция. Позади 880 км. Уперлись в лед реки, прошли извилистым фарватером до Старой Корги. Сушили лодку, переночевали в охотничьей избе, над которой тучами, одна за другой, идут стаи гусей. А утром пешком по тундре пошли в поселок Индига, а это почти 15 км. Несем на себе самое необходимое: икону, облачение для отца Дмитрия, все для крещения и литургии. По снегу, насыщенному водой, заняло это шесть с лишним часов.

В Индиге пока около 900 жителей – рыбаков и оленеводов. Но в будущем здесь построят грандиозный порт для вывоза 30 млн. т нефти, ежегодно добываемой со скважин на побережье и с платформ на мелководном шельфе. Скоро население здесь как минимум утроится. Забавно, что на гербе Индиги есть стая рыб, медведь, олень и песец, а нынешнее богатство региона – нефть – еще никак не дорисована. Глава администрации Вадим Евгеньевич Глухов (в прошлом – моряк-подводник) предоставил в наше распоряжение клуб.

Отец Дмитрий крестил по 10–15 человек одновременно с утра до вечера. Идет поток, в основном женщины и дети. Гидрометцентр держит нас – не пускает на восток. Стоит ждать, а это, как всегда, трудно.

На Троицу отец Дмитрий провел службу специально для нас с Андреем. Заброшенную избышку на берегу моря украсили тундряными веточками вербы...

Будни в Печорском море

15 июня. Пошли после 10 дней ожидания. Идем в галфвинд, пересекая пролив, разделяющий материк и о. Колгуев. Наша цель – пройти более 500 км, обогнуть экзотический мыс Русский Заворот и войти в поселок Варандей. Но не тут-то было. Два дня безуспешной битвы со льдами вынудили зайти в бывший поселок Тобседа, где мы снова засели, и засели на долгие 12 дней. Тобседа – это экзотика, впрочем, как и все на нашем многострадальном Севере. Когда-то здесь жило 500 человек, работали промысловая артель, рыбоконсервный завод, международный центр по изучению флоры и фауны, куда регулярно летали ученые из России, Норвегии, Германии, Великобритании. Теперь в поселке живет (на правах сторожа) всего один человек – Василий Терентьев. Так что с нашим приходом здешнее население увеличилось в 4 раза...

Наконец то, пошло! Прибрежные районы активно очищаются ото льда. Ринулись было дальше на восток, но получили встречный шторм: 15 часов долбились против ветра, но... прошли всего 13 миль. Укрыться негде. Свалились назад – по ветру – и терпели еще день в Тобседе.

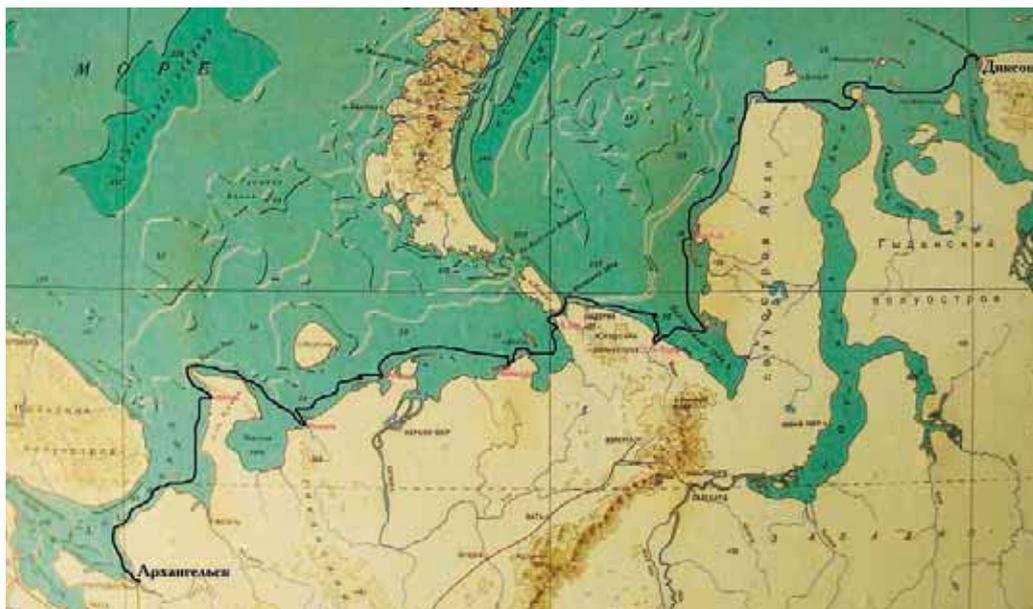
Со второй попытки за двое суток добрались до Варандея.

1 июля. Здесь – грандиозная стройка. Порт по разливу нефти в танкера практически построен, труба подведена, «Лукойл» и «Иже с ним» работают, как на Западе. Правительство уже приняло предложение Мин-

Телеграмма из Москвы.

Проведение Крестного хода вокруг России, инициированное Православным общинным центром, являет образ национально-общественного, культурного и духовного единства российского народа. Приятно видеть, что программа имеет не только церковный, но и общественный характер – ведь эта инициатива исходила от простых людей и была поддержана как Церковью, так и светской властью. Через лихолетье XX века на всем пространстве российской земли сохранилось множество обителей и святынь, отражающих тысячелетнюю историю и культуру нашего государства и народа. Это все то, что не дает нам пропасть сегодня. Это прошлое, в котором – будущее России. Мне хотелось бы, чтобы все люди, которые взяли на себя ответственность и нашли физические и душевные силы присоединиться к Крестному ходу, прошли его до конца. Позвольте пожелать вам успехов в вашем благом начинании, плоды которого не замедлят сказаться в других добрых делах, направленных на развитие лучших традиций нашего народа и укрепление российской государственности.

2 июня 2008 года. Председатель Совета Федерации С. М. Миронов

транса об открытии морского порта Варандей для захода иностранных судов и установлении в нем постоянного пункта пропуска через государственную границу.

Капитан порта Евгений Владимирович стапенко отнесся к нам очень тепло, сказал: «У вас все получится. Поверьте моему жизненному опыту, у вас в глазах – добро».

Для рабочих созданы здесь отличные условия, даже построили деревянную, с иглолки, часовню.

5 июля. Два дня в Варандее и два дня – переход к проливу Югорский Шар. Увы, встречный ветер не позволил нам пройти его сходу. Ветер в 15 м/с создавал, помимо всего прочего, встречное течение, в которое лодка, заливаемая волной, буквально уперлась. В какой-то момент впереди себя увидели, как в сторону берега, через волны, «рубится» морж. Он похож на пловца в противогазе. Морж расценил нас, как погоню, и надал к берегу.

Пролив оказался нам не по зубам, но и оставаться в этой ревущей водноветровой трубе было невозможно. Решили укрыться на метеостанции «Мыс Белый Нос». Кколо трех часов без всякого бинокля мы хорошо видели все тот же домик метеостанции и из последних сил пробивались к нему галсами. Но все в итоге благополучно закончилось, когда песчаный берег закрипел под килевой балкой. Персонал метеостанции – пять человек, и мы были первыми для них людьми, появившимися в этом году.

На следующий день среди гомона гусей и писка чаек на скалах рядом с развалинами восьми барачков бывшего на этом месте лагеря заключенных, была совершена Божественная литургия. В конце 30-х гг. здесь добывали камень, которым и тянули по кряжам тундры дорогу на юго-восток, в сторону Воркуты. В доме охранников и находится нынешняя метеостанция.

В новом море и в другой части света

С нагрянувшим вдруг с юга шквалом вылетели из бухты. Мчимся к проливу, но теперь с попутным ветром, выдаем под штормовыми парусами верных 8 уз. 15 миль пролива прошли на одном дыхании и оказались уже в Карском море. белиска на границе Европы и Азии в нахлынувшей дымке так и не заметили.

Здесь-то мы и напомнили отцу Дмитрию, что пора ему лезть в воду: он еще в Архангельске перед всем народом заявил, что будет купаться в каждом море, какие в большом количестве мы будем пересекать на своем пути. Температура воды за бортом не превышает 3°. Сам отец Дмитрий одет в зимнюю одежду (унты, меховые рукавицы поверх перчаток, куча теплых штанов и курток, надетых под непромоканец, меховой летный шлем) и сидит в просветленной задумчивости, но без всяких попыток припомнить свои обещания. (Кстати, в Баренцевом море мы все искупались; парясь в бане с Василием Терентьевым, после парилки

бросались в холодную воду и тут же с визгом вылетали на берег.)

В Амдерму не заходили – ловили удачу с попутным ветром. Полоса открытой воды между берегом и ледовыми полями – не шире 10–15 миль, но мы видим эти поля, «приподнимаемые» рефракцией, и слышим, как грохочет зыбь, обрушиваясь на их край. Часто приходит туман, и, бесшумно идя под парусами, мы с трудом выискиваем путь между отдельными льдинами.

11 июля. Прибыли в Усть-Кару. 6 вечера. Нас встречает компания выпивох, да таких, что захотелось тут же уйти в море. Нас принимали на метеостанции. Местное начальство отказалось с нами сотрудничать. Впрочем, хлопот у них не оберешься: сгорела электростанция, эпидемия гепатита... На наше объявление о крещении всех желающих откликнулись около 50 человек.

15 июля. Продвигаемся в узкой полосе чистой воды, пересекая Байдарацкую губу курсом на Ямал. Вечер. Ветра нет. Подходим к берегу и бросаем якорь в устье маленького ручья. Мы все-таки дети тайги, нас неотвратимо тянет на сушу, где всегда есть плавник и главное – опора ноге.

Мы разводим большой костер и наблюдаем природу. Вот из тумана выскочил взволнованный чем-то песец. Аккуратно ступая в воду и наблюдая за тем, как это у него получается, зверек перебрел ручей. становился, вдруг почувствовав чей то взгляд. Долго смотрел в нашу сторону, затем быстро

побежал вдоль берега и снова исчез в тумане.

За месяц совместного плавания мы уже насытились общением друг с другом, теперь наши разговоры перебрались в область поверхностной повседневности, сопровождая простые действия простыми же словами.

Мы не остались спать у костра, а, подтянув болотные сапоги, побрели к лодке, чтобы, как только подует, без задержки поднять паруса. В бесперебойном обеспечении нашего продвижения вперед и состоит главным образом смысл нашего существования. Плохо то, что лед отжимает нас от прямого курса на север Ямала. Вместо этого приходится спускаться на юг, в глубину губы, обходя массив дрейфующих льдов.

Утром пошел ветер с моря. Идем хорошими ходами. Все предельно просто и понятно, но все-таки всегда удивительно, волшебю. Это ощущение движения вместе с ветром само по себе более высокого уровня, нежели то, когда ход обеспечивается механическим двигателем.

Гидромет, наконец-то, сдается и дает добро на пересечение дрейфующих льдов курсом на северо-восток от о. Левдиев. По их оценке в этом районе лед 5–6 баллов протянулся на 10–12 миль. Доходим до острова, поворачиваем на 90° и идем в лоб на Ямал. Приходит туман, и сразу же появляются отдельные льдины, а за ними – поля льда.

Ледовый слалом

И начинается слалом. Не менее захватывающий, чем сплав на плоту по горной реке. Задним умом понимаю, что ничего особо страшного тут не произойдет – скорости не те. Лед вокруг, но

всегда есть проходы, правда, часто они открываются лишь в последний момент, и мы иногда устремляемся вперед, не видя дальнейшего пути. Идем в азарте, подогреваемые ощущением приближающегося, но еще не видимого берега Ямала. Скользим мимо льдин, и только два раза вылетели на «плес», из которого не было выхода; пришлось «выскребаться» оттуда остро к ветру, буквально в нескольких сантиметрах от края льдин. Ветер усилился, перешел на попутный, и мы, увлекшись слаломом, дали гикю перелететь с борта на борт, причем лодку трянуло довольно плотно.

Новые льдины все выплывали из тумана одна за другой, и мы снова и снова обходили их. Часов через восемь выбрались на чистую воду, оставляя мир серых, погибающих в тепле ледовых полей, и распознали впереди темную, низкую полоску. Хотелось скорей на берег. Разжечь костер, скинуть напряжение. Так мы и сделали, на несколько часов погрузившись в радостное созерцание настоящего огня.

Рано утром, преодолев береговой бар, вышли. Теперь идем радостным северным курсом, но ветер слабый, встречный. Галсы между ледовыми полями и берегом не получаются, приходится по очереди грести. Под утро попутный юго-восточный ветер приподнял «колдунчики» на вантах и стал набирать силу. Через полчаса мы уже летели, еще через час – торопились взять рифы на гроте. Волна выросла, оставаясь крутой, и несколько волн, пройдя над кормой, обрушились в кокпит. Лодку валяло и корежило, и я опасался, что вахтенного выбросит из лодки. Но этим дело не кончилось. Впереди по курсу заблестели на солнце дрейфующие льды. рудуя румпелем и

подставляя большим волнам корму, я мучительно пытался решить сразу две проблемы: как перейти на штормовые паруса и что делать со льдами? Под берегом их обойти невозможно, там победно сверкает не вышедший еще из залива лед.

Лед этот приближался. Уже было видно, как волны обрушиваются на передний край льдин и какая там начинается круговерть из вздыбленной в небо воды с ледовыми обломками. У нас на поиски выхода оставалось всего несколько минут, но тут взгляд зацепился за некий изъясн в ледовой кромке, который стал быстро превращаться в нечто, подобное нише, а через несколько минут – и в коридор между полями. Подворот рулем, лодка влетает в проход между льдами! Грохот моря остается позади. Здесь только свист ветра в снастях и ощущение струящегося по спине пота.

19 июля. Идем еще несколько часов, прячась от волн, иногда приближаясь вплотную к ледовым полям, пока не распаивается перед штевнем чистое море. Ветер, как по команде, начинает «скидать», поневоле переходим на весла. Только к вечеру, рассекая зеркальную воду и не вспоминая уже утренние ледовые приключения, мы подгрести к высокому берегу, на котором между несколькими домиками красовался громадный ветряк с двумя (оставшимися от четырех) руками-крыльями. Это метеостанция Марресалья, по-ненецки – Мыс леньего рога.

«Это одна из самых старых полярных станций в Арктике. Построена в 1914 г., через год после открытия полярки Югорский Шар. С этих двух станций вся современная арктическая навигация и начиналась», – рассказывает начальник станции Александр

Павлович Чикмарев. С гордостью говорит. С некоторым вызовом.

22 июля. Впереди – поселок Харасавэй, или по-ненецки – Кривулина. Коса перед поселком и впрямь саблевидная. Главное на этом заковыристом мысу состоит ныне в добыче газа и нефти. Здесь мы будем сидеть аж четверо суток. Это похоже на зализывание ран. Поселок газовиков – уже не полярная совковость, а нечто стройное и организованное. Читаю дневник полярника Чукова двухлетней давности. Мы, как и он, «поражаемся отзывчивости, присутствующей северянам, и искренней готовности помочь всякому, кто нуждается в помощи; мы со своими «проблемами» буквально переходим из одних рук в другие».

Как раз в одной из столовых отец Дмитрий отслужил молебен, а потом освятил местную пожарную часть. Режим жизни здесь деловой, напряженный. Вахты газовиков длятся два месяца и расслабиться, вспомнив о Боге, совсем нелишне.

26 июля. Весь путь до северной части Ямала – под знаком привычных северных и северо-восточных ветров. Лавировка с уходом длинным галсом в море и коротким – к берегу. Лодка под властью каких-то невидимых, противных течений. Потом ушли под самый берег и поймали там ломовой галфинд, аж взяли второй риф. Неслись рядом с барашками берегового бара по самому краю метровых глубин. А что делать?! Надо рисковать – чем-то компенсировать отсутствие двигателя.

Пролив Малыгина пролетели с боковым сильным ветром на одном дыхании. Гидромет вовремя предупредил о шторме, и мы успели приблизиться к о. Шокальского. Теперь нас понесло вдоль берега в бскую губу сильным приливным течением, которое мы никак не могли преодолеть, хотя ветер дул в паруса уже с силой до 12–14 м/с. Течение было никак не менее 4–5 уз, иначе чем же можно было объяснить, что нас так подхватило! Лодка надрылась под всей парусиной, но никак не могла приблизиться к спасительному берегу. Совершенно случайно, против всякой логики, поменяли галс, и GPS стал показывать ход к берегу. Вот он, уже рядом! Якорь в воду, но до берега не дотянуться, нас сдувает куда-то

вбок. Андрей бросается в воду, за ним отец Дмитрий. ба по грудь в ледяной воде подтаскивают лодку к берегу. Это случилось 1 августа в 14 ч 30 мин. (одновременно с затмением солнца).

Здесь была остановка на трое суток, пока не подул жесткий ветер с северо-востока. Все это время лодка в прибойной зоне выделяла пируэты на отжимном ветре, как на хорошем волнении. По берегу, как в пургу, неслась поземка из песка. Ребята поставили палатку, а я остался на лодке, летал вместе с ней и удивлялся, почему не приходит морская болезнь? Топил печку, читал и даже что-то ел.

6 августа. Вчера покинули остров. С отливом быстро обогнули его, уйдя из зоны действия приливных течений бской губы. Ветер утих, и потащило нас в сторону пролива Малыгина. Впиваясь веслами в воду, мы судорожно пытались «пробить» течение в сторону северо-востока, но наша скорость при этом не превышала 0.5 уз. Бросили якорь. Дождались ветра и снова двинулись к Диксону. Шквалило из-под туч так, что сбрасывали грот полностью и летели на одном стакселе, устремляясь в арки из ярких красочных радуг. Но грозы нас щадили, и мы хотя бы не вымокли.

Сегодня меня тянет на статистику. Начались 80-е сутки похода. Диксон – это 2640 км от Архангельска. Получается, что мы прошли треть пути до Провидения, затратив на это более половины навигационного сезона. Ледовая обстановка для нашей лодки оказалась слишком тяжелой. Мы имели только 33 ходовых дня. стальные 47 отсиживались, дожидаясь чистой воды или хотя бы полыньи в этих трех

пройденных нами ледовитых морях – Белом, Баренцевом и Карском. Сейчас уже полночь. Впереди – залитый полудночным солнцем Диксон, а по плану нам в пору было бы уходить из Тикси!

7 августа. На осколках западного ветра влетели с помутненными от недосыпу мозгами в Диксон. Была солнечная, глубокая ночь. Пограничник, нарушая все воинские традиции, с доброй улыбкой смотрит на нас, встречая. В Диксоне нас ожидала неизвестность, но главное – мы его достигли. И попробовали бы вы не радоваться на нашем месте!

Можно, конечно, было бы идти дальше на лодке, соблазнившись прохождением пролива Вилькицкого, и к первым морозам дотянуть до Тикси или даже Певека, на это ушло бы еще дней 40–50. А дальше что? Навигация кончилась бы. Пришлось бы объявлять, что Крестный ход прерывается?

Что ж, решение принято. Сюда, в Диксон, уже «подворачивает» за нами атомный ледокол «Таймыр», который идет на восток. У нас есть несколько минут на сборы. Ледокол в гавань не зайдет, а может принять нас только на рейде северо-восточной бухты. На нем мы и продолжим путь с последующей пересадкой на другие попутные суда.

Так добрались мы до Хатанги, где совершили литургию, и сегодня, 5 сентября, уже в порту Тикси вместе с Дмитрием Лукьяновым продолжаем дела Крестного хода и ждем попутное судно на Провидения. А там уже начнется второй этап.

*Подготовил к печати
Василий Галенко*

